

– подборка двадцать пятая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 25
Published and Copyrighted © 2012
by
KEHOT PUBLICATION SOCIETY
770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213
(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718
editor@kehot.com
Orders:
291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213
(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148
www.kehot.com
All rights reserved.
The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.
Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России
Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 25-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

4 нисана 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)²³⁰

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Хупа с миньяном посреди ночи

Вспоминается случай из жизни моего мужа. Дело было в 1935 году. Однажды поздно вечером, около 11 часов, к нам пришла женщина. Оглядевшись, нет ли в доме посторонних, она обратилась к мужу с такими словами, произнесенными тихим голосом: «Рабби, я приехала к вам издалека, из какого города — говорить не буду... Через час, в полночь, придет моя дочь со своим женихом. Оба они занимают высокое положение, так что для них прийти сюда — это в прямом смысле слова подвергнуть свои жизни опасности! Но я так долго и слезно их умоляла, что они согласились стать под *хупу*, однако лишь при условии, что ее поставите вы, а не кто-либо другой...»

В двенадцать часов пришли жених и невеста. Лицо девушки было прикрыто, чтобы никто ее не узнал. Я тут же провела их в кабинет мужа, который начал приготовления к *хупе*. В первую очередь нужно было собрать *миньян*, необходимый для проведения обряда *кидушин*²³¹. Двое мужчин уже было (жених и мой муж), оставалось найти еще восемь. Это должны были быть люди, которые могли прийти незамеченными, не привлекая чужих взглядов, и к тому же

²³⁰ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

²³¹ Церемония «посвящения в жены», центральная часть еврейского свадебного ритуала.

— на сто процентов надежные, чтобы среди них не оказалось, не дай Б-г, доносчиков!

За полчаса удалось собрать девятерых, но десятого — как это часто бывает — не хватало. Тогда мой муж послал за нашим управдомом-евреем, сравнительно молодым человеком. Было известно, что одной из его официальных должностных обязанностей являлось наблюдение за нашей квартирой: не ходит ли к нам «слишком много» людей, не занимается ли раввин совершением «религиозных актов»...

Когда управдом пришел, муж мой сказал ему: «Вы должны быть десятым, иначе я не смогу поставить хуну»²³². Тот окинул мужа взглядом, полным удивления, спросил только: «Я?!» — и, не говоря больше ни слова, пошел плотно закрывать ставни в комнате. Потом он закрыл на ключ входную дверь в дом и только после этого уселся на отведенное ему место.

Начались приготовления к хуне. Я нашла темную плюшевую скатерть, которая более-менее подходила в качестве свадебного балдахина. Четыре молодых человека из нашего *миньяна*, которые были ростом выше остальных, держали, за неимением шестов, скатерть.

Когда *клуба*²³³ была составлена, позвали жениха и невесту, которые все это время сидели в темной комнате, не разрешая включать свет²³⁴, чтобы никто не видел их лиц. Они опасались этого до такой степени, что невеста ушла из-под хуны с закрытым лицом — в том же виде, как встала под хуну! В остальном обряд прошел в полном соответствии с законом. Невеста семь раз обошла вокруг жениха, высокого молодого человека, который в своем кожаном пальто выглядел как комиссар (а может, и в самом деле им был), но сделал он все, что от него требовалось, а главное произнес традиционные слова: «*Гарей ат мекудешес ли*» («Вот ты посвящаешься мне...») В полвторого ночи, когда свадебный обряд завершился, жених с невестой быстро, чуть ли не бегом, покинули наш дом.

Между прочим, среди гостей (точнее, *миньяна*) было два члена партии! После хуны они сели за наш стол, «отложив в сторону», так сказать, свои партбилеты, и с теплотой в голосе сказали моему мужу: «Рабби, сейчас мы не коммунисты, а евреи, и нам не хочется от вас уходить... — а потом добавили: — Когда мы сидим рядом с

²³² См. «Мишне Тора» Рамбама, «Законы брака», 10:5.

²³³ Брачный контракт, в котором перечислены обязанности мужа по отношению к жене.

²³⁴ См. «Мате Моше», «Законы свадебной церемонии», гл. 2.

вами, эти книжечки²³⁵ — ничто!» Надо сказать, с подобной реакцией мне приходилось сталкиваться достаточно часто.

Обрезание сыну коммуниста

На той неделе, когда была эта свадьба, состоялся также *брис* сына одного коммуниста, который руководил всей транспортной службой завода имени Петровского²³⁶. Он прислал к нам человека, который сообщил, что отец ребенка вечером уезжает в командировку и хотел бы, чтобы обрезание состоялось в его отсутствие. Конечно, все было именно так и сделано.

На следующий день после *брис* отец мальчика вернулся из командировки. У него были соседи, которых он очень опасался, поэтому сразу, появившись дома, накинулся на жену с криком: как, мол, она посмела такое сделать?! Также он накричал — чтобы слышали соседи — и на свою мать, обещая подать на нее жалобу в суд...

Несколько лет спустя, когда мужа отправили в ссылку и нужно было послать ему туда кое-что из посуды, которую тогда невозможно было купить ни за какие деньги, этот человек, отец «тайком» обрезанного ребенка, изготовил ее у себя на заводе. Он сказал рабочим, что посуду заказал директор, а на самом деле передал ее мне. При этом просил меня, чтобы я, когда буду отправлять посылку, написала мужу, что этот человек никогда не забывает его. «И того, — добавил он, — что именно рабби сделал моего сына настоящим евреем».

* * *

После этих двух случаев, когда я пыталась завести с мужем разговор о том, не следует ли нам выехать из СССР, он всегда отвечал мне, что у него нет на это никакого права²³⁷. Если он уедет, не будет больше кошерного мяса, чистоты еврейской семьи и всех остальных аспектов религиозной жизни. Он не видит ни одного человека, на которого можно было бы все это оставить, - так как же можно уехать?! К тому же, в Эрец Исраэль он все равно не мог ехать, так как нельзя ехать в Святую землю исключительно ради заработка²³⁸.

²³⁵ То есть их партбилеты.

²³⁶ Днепропетровский металлургический завод им. Г. И. Петровского — одно из крупнейших промышленных предприятий Днепропетровска и Украины.

²³⁷ См. «Игроис койдеш», часть 8, стр. 322; часть 14, с конца стр. 262 и далее; часть 20, с конца стр. 256 и далее; часть 22, с конца стр. 186 и далее.

²³⁸ Как упоминалось в 1-м выпуске «Воспоминаний», незадолго до ареста рабби Леви-Ицхок получил приглашение занять должность главного раввина Яффо.

Письмо от сына

Через два месяца после *хупы*, которую я описала, власти устроили над нами так называемый «показательный суд» по поводу нашей квартиры. «Показательный суд» означал, что информация о нем доводилась до всеобщего сведения и слушания проходили при открытых дверях, то есть любой человек мог прийти в качестве зрителя.

Суть дела заключалась в следующем. «Служители культа», как назывались тогда лица, занимавшиеся отправлением религиозных обрядов, по закону обязаны были платить 55 рублей за квадратную сажень²³⁹ площади. У нас тогда уже была сравнительно небольшая квартира, но сумма, которую следовало ежемесячно оплачивать, все равно превышала 500 рублей. Найти такие деньги было совершенно нереально, наше положение и так являлось достаточно тяжелым.

В течение длительного времени муж мой отказывался поступить так, как многие ему советовали, а именно уйти с поста раввина города. В те годы нашлось немало раввинов, писавших в газеты письма, в которых они сообщали о своем отказе от звания раввина, но мой муж был не из их числа.

Незадолго до начала суда мы получили бумагу²⁴⁰ от сына, который учился тогда в Париже²⁴¹ (это был период относительно нормальных отношений между СССР и Францией). В документе сын указал, что поскольку отец его находится уже в преклонном возрасте (в соответствии с годом рождения, зафиксированным в паспорте мужа²⁴²), он имеет право, в соответствии с советскими законами, не работать, а жить на те деньги, которые ему высылают в качестве помощи дети. Кроме того, сын указал, что, хотя является студентом, ежемесячно посылает нам крупные суммы денег.

На основании этого документа мы должны были платить за квартиру по тарифу не в 55 рублей, а только в 2! К тому же, муж теперь считался «иждивенцем»²⁴³, а этот статус во многих отношениях был удобнее, чем «служитель культа»... Вот только, к сожалению, он не мог уже исполнять все функции раввина: не мог

²³⁹ Мера площади, примерно равная 4,55 м².

²⁴⁰ В документе 1937 года Ребе, живший тогда в Париже, указывает, что каждый месяц он посылает деньги, а также посылки с одеждой и едой на общую сумму 350 франков своим родителям в Днепрпетровск. Этот документ (по-видимому, аналогичный тому, о котором говорит ребецн) был напечатан в сборнике «20 менахем ава — 60 лет» («Кефос», 5764/2004, стр. 65).

²⁴¹ Ребе прожил в Париже с зимы 5693 (1932–1933) года до месяца сиван 5700 года (июнь 1940).

²⁴² Как упоминалось в 3-м выпуске «Воспоминаний», в разных документах рабби Леви-Иццока указывались разные даты его рождения.

²⁴³ Это слово в рукописи ребецн написано по-русски.

разрешать конфликты между людьми в суде Торы, не мог отвечать на вопросы прихожан, связанные с экономическими проблемами, только лишь на религиозные. Тем не менее, он продолжал втайне — насколько это было возможно, со многими трудностями и самопожертвованием — беспокоиться, чтобы все делалось в соответствии с еврейским законом.

Суд и судьи

Вначале суд (который и сам по себе был тяжелым и неприятным) принял следующее решение. Поскольку, по словам одного из выступавших, к нам по-прежнему приходит «слишком много» людей, это означает, что мой муж продолжает исполнять обязанности раввина. Следовательно, с него следует взимать квартплату не как с лица, находящегося на иждивении сына-студента, и он должен платить каждый месяц не 20 рублей, а все 500. Более того, тень подозрения пала и на домоуправление²⁴²: не слишком ли хорошо они относятся к Шнеерсону?! Там действительно относились к моему мужу с большим уважением и старались делать ему только добро, но теперь, чтобы уберечь себя от неприятностей, им пришлось бы исполнять решение суда...

«Судьями» были три коммуниста и две женщины-активистки из нашего квартала. Председательствующий был неевреем. Одна из женщин потом рассказала мне, будто он сказал им: «Лицо этого старика говорит о том, что он на подлости не пойдет»²⁴⁴. Впрочем, судилище от этого не стало менее неприятным.

В зале суда сидело много людей, в том числе неевреев. Пришел туда и один наш знакомый адвокат, собиравшийся выступить в нашу защиту, хотя мы не могли оплатить его услуги. Однако, как он впоследствии нам рассказал, ему показалось, что мы не нуждаемся в помощи адвоката.

Свидетели

Наш управдом, десятый в *миньяне* на *хупе*, о которой шла речь выше, был в числе свидетелей, вызванных в суд. Поскольку в его обязанности входило наблюдение за тем, как обстоят дела у нас в квартире, он должен был рассказать суду обо всем, что видел.

Управдом заявил: он никогда не замечал, чтобы к нам заходили какие бы то ни было люди, кроме пары пожилых евреев, которые представились ему нашими родственниками. Молодых же людей,

²⁴⁴ Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.

особенно таких, от которых можно было получить какую-то материальную помощь, либо тех, кого могли связывать с моим мужем интересы общественно-экономического характера, он ни разу у наших дверей не видел. И он готов был подписать бумагу о своей ответственности за каждое сказанное им слово!

А мама «тайно» обрезанного малыша сообщила суду: она проживает недалеко от нашего дома, и, так как ей известно, что здесь живет бывший раввин, нередко смотрит, кто к нам приходит, чтобы понять, какие отношения поддерживает он с еврейским населением города. За все время наблюдений, однако, она так и не увидела ни какого-либо «кипения жизни» вокруг нашего дома, ни того, чтобы кто-то обращался к «старикам»²⁴⁵ с вопросами. От ее слов «судьи» не могли так просто отмахнуться — она была женой старого большевика, занимавшего достаточно высокий пост...

Несмотря на эти благоприятные показания, «обвиняемый» чувствовал себя очень плохо. Он сидел страшно бледный, с единственным желанием — заявить во весь голос, чтобы все услышали: «Даже оставшись единственным на сто процентов религиозным человеком здесь, я все равно буду продолжать, пока это в моих силах, влиять на окружающих — на стольких и в такой степени, насколько это возможно!» Однако муж вынужден был говорить совсем другое... Тем не менее, бледность его помогла: когда выступили все свидетели, «судьи», увидев, как ему плохо, не стали задавать слишком много вопросов. И все равно это судилище потребовало от мужа полного напряжения сил, а чувства после него остались не самые приятные.

Постановление суда

В итоге все обвинения с мужа были сняты. Обычно после подобных разбирательств постановление суда можно было получить через пять дней. Однако в данном случае вышло так, что уже где-то через час после окончания судебного заседания нам сообщили, что у нас все в порядке.

От одной из народных заседательниц, разбиравших дело, впоследствии стали известны подробности того, как обсуждалось, какое именно решение должен принять суд (в частности, среди судей были и те, кто считал, что данное дело не должно рассматриваться как частное, его материалы покажут всем, как ведет себя бывший духовный руководитель). Эта же народная заседательница, нееврейка, попросила одну из своих еврейских

²⁴⁵ То есть к р. Леви-Ицхоку.

приятельниц сообщить Шнеерсону решение суда, чтобы ему не пришлось мучиться пять дней, ожидая его по официальным каналам.

...Это только одна история из пережитого нами, а их было довольно много. И хотя муж мой всегда с честью выходил из посылаемых ему испытаний, успокоения эти победы не приносили. Он постоянно находился в состоянии войны с теми или иными противниками!